

Сороковая мельница



Всадников было двое. Один — пожилой мужчина, крепкий, приземистый, с бочкообразным телом и короткими сильными конечностями. Другой, напротив, был молод и обладал изрядной «протяжностью» во всех направлениях: от костистого рябого лица, утяжеленного длинным подбородком, до непомерно огромных ступней, венчающих ноги, длинные, как осень в Галисии.

Долговязый восседал на коренастом, чубатом осле весьма разбойного вида; приземистый же имел под седлом мосластого одра в седых яблоках с выражением полного безразличия, застывшем на флегматичной морде.

Жаркий кастильский полдень царил над живописными окрестностями деревни Вилья-Нуэво. Зной наступал, подобно мавританской орде на храбрые рати Астурии. Но оба странника, как и подобает настоящим испанцам и верным сынам католической церкви, хранили спокойствие и были равнодушны к опаляющему дыханию зенита, а также сонмам слепней и легионам мух, совершающим регулярные набеги на незащищенные одежды участки кожи.

Долговязый дремал, разместив свою внушительную нижнюю челюсть на впалой груди; коренастый бодрствовал, но взгляд его карих глаз из-за равелинов румяных щек, утыканых стрелами короткой седой щетины, был отстраненным и затуманенным, как у мечтателей или безумцев.

Так, в покое и безмятежности, маленький отряд миновал безлюдный перекресток с деревянным указателем «К ущелью Лаписе», спустился в неглубокий распадок, поросший кустарником, проехал его насквозь и...

Умудренный годами конь первым заметил опасность. Одр резко остановился, вызвав возмущение дорожной пыли, а из горла седого скакуна донесся звук, который еще лет пять назад мог быть идентифицирован как вполне приличное недовольное ржание. Коренастый вскинул голову, его взгляд мучительно бежал вышних эмпирий, приобрел осмысленность и тотчас сфокусировался на некоей точке впереди.

— Диего! — взревел коренастый сиплым голосом. — Взгляни, что приготовила нам судьба!

Долговязый отстыковал подбородок от груди и уставился туда, куда гневно взирал его спутник.

— Мельница, — констатировал Диего таким голосом, как будто бы говорил «Нам конец!» или «Хуже некуда!».

Действительно, в некотором удалении от всадников, на вершине небольшого округлого холма, словно твердый коричневый сосок на упругой девичьей груди, возвышалась опрятная ветряная мельница.

— Взгляни, друг мой, на это чудовище, этот плод скверны, что попирает нашу хранимую Богом землю! — продолжал витийствовать коренастый. — Видишь ли ты его мерзостную и наглую мощь, и разверстную пасть, и клешни, распяленные наподобие креста по сторонам гнуснейшего рыла, словно в насмешке над Спасителем?

— Вижу, дон Алонсо, — ответствовал Диего с истинно католическим фатализмом. — По мне, так из тех, что мы наблюдали за последние три дня, этот выглядит особенно мерзко.

— Должно быть, перед нами владыка здешних чудищ! Повергнуть такого будет истинно богоугодным делом!

— Без сомнения, дон Алонсо, — Диего знал, что спорить и доказывать очевидное бессмысленно.

В окрестностях Мадрида множество холмов, и на многих из них стоят мельницы. Вернее, стояли, пока благородный идальго дон Алонсо не пустился в свой великий квест. «Должно быть, это сороковая или сорок первая, — размышлял Диего. — Теперь-то о нас точно напишут поэму или, на худой конец, роман. Только борзописцы, конечно, все перевернут. Я буду зваться, скажем, Санчо и окажусь деревенским дурачком, а дон Алонсо станет зеркалом рыцарства и примером для подражания». Была у Диего фамильная страстишка. Дело в том, что, несмотря на подчиненное положение перед родом дона Алонсо, род Панса славился людьми, оставившими след в истории. Например, дед Диего, который участвовал в морском сражении армады Филиппа II с турецким флотом при Лепанто. Дед был канониром на одном из кораблей и выглядел столь молодцевато и колоритно, что один из придворных поэтов, также пребывающий на борту судна, посвятил ему пару строк в своей балладе, долженствующей описать эпохальную баталию, так сказать, «по горячим следам». Труд пиита непременно нашел бы своего читателя, если б не злополучное османское ядро, которое не только прервало жизненный путь любимца муз, но и вышибло его за борт вместе с незаконченным поэтическим шедевром, прямым к Посейдону.

Пока Диего придавался мрачным раздумьям о цене славы, дон Алонсо успел помолиться Деве Марии, Иисусу, большей части святых, а также вознести славословия своей возлюбленной Дульсинее, испросив у всех скопом и у каждого по отдельности славной победы над исчадием преисподней.

— Диего! Мое копьё! — рявкнул охваченный священной яростью идальго и, получив желаемое, пришпорил коня. — Эскуэдо! — громкий боевой клич рода Кихада многократно отразился от соседних холмов.

Конь дона Алонсо двигался быстрее обычного, но галопом это было назвать нельзя.

— Вперед, Росинант, вперед, мой благородный скакун! — подбадривал рыцарь коня, пока они с трудом взбирались на холм. И то ли подействовали уговоры, то ли шпоры, но престарелый одр превзошел сам себя и сумел развить довольно приличную скорость на финише.

Дон Алонсо поднял копьё вверх, целя в перекрестье ворота, к которому крепились лопасти, и не столько вонзил, сколь метнул боевую снасть. Однако полностью избежать инерции благородный рыцарь не сумел. Рукоятка пики от удара резко ушла в сторону и, упершись в нагрудник, выбила дону Алонсо из седла. Тут дверь мельницы отворилась и явила полдню дородную фигуру мельника. Вооруженный вилами, он

рванулся к упавшему рыцарю и, вне всякого сомнения, насадил бы его на острия, словно бес насаживает грешника, но между ними неожиданно возник Росинант. Мельник отпрянул, замахнувшись своим оружием, и тут, к удивлению Диего и еще больше своему собственному, старый конь встал на дыбы. Удар копытом по голове — это всегда удар копытом по голове. Мельник был выведен из строя и, судя по характерному хрусту, который успел услышать подоспевший на выручку слуга, выведен навсегда.

Жара не ослабевала. Диего как раз пытался привести в чувство дона Алонсо, когда из-за мельницы — подобно черным голубям, что взмывают из-под крыши Эскориала, потревоженные пением охотничьих рогов — выметнулись три конных альгвасила.

— Дон Алонсо Кихада? — спросил один из стражей порядка, приятной внешности господин с роскошными усами. — Можете не отвечать. Мы знаем, что это вы.

— Разве вы не видите: он вообще не в состоянии говорить, — попытался урезонить усатого стражника Диего.

— Говорить уже не обязательно. Именем короля вы арестованы по обвинению в порче имущества, бродяжничестве и погромах! — из-за мельницы, скрипя и жалуясь на судьбу, выбралась обшарпанная тюремная карета.

Ночь опустилась на Кастилию, исполненная звезд и пения цикад. Над оскверненной мельницей взошла огромная желтая луна, осветив застывшие лопасти и пику, торчащую из крестовины. Тень от рыцарского оружия черной лентой разделила взлобье холма, изрытую землю и тело мельника, которое так никто и не удосужился убрать.

Однако царствование Селены над спящим миром было недолгим. Налетевший ветерок пригнал со стороны Мадрида стаю облаков, пышных и темных, словно кружева на вдовьем подоле, и поле битвы погрузилось в милосердную тьму.

Мельница чуть заметно пошевелилась в мягкой земле, оценивая непроглядность мрака вокруг и степень безлюдья окрестных полей. Все было тихо. Издав тяжкий полустон-полувовай, она принялась вытаскивать из себя чуждый предмет. Копье, глубоко вошедшее в тело, долго не поддавалось. Но вот оно выскочило с хлопаяющим звуком, оставляя на земле липкий след из мельничных выделений. Тотчас все строение сотрясла неистовая дрожь, после чего мельница начала размягчаться, точно фигурка из воска от жара очага. Сложились, подобно бутону цветка, матерчатые лопасти, деревянные стены округлились и потекли, превращаясь в подобие склизкого складчатого ствола или ноги моллюска. Дверной проем оброс тонкими, острыми, как иглы, зубами. А затем мельница принялась извлекать из земли свои многочисленные шупальца и отростки, что за последние сорок лет успели распространиться далеко во всех направлениях.

Все пошло прахом, почти двести лет труда, переживаний, невзгод и борьбы с конкурентами. Каких трудов ей стоило занять это выгодное местечко. А первый мельник? Сколько времени ушло на то, чтобы пригнать его. И как она радовалась, когда они наконец стали единым целым. А потом были другие мельники, и она дала первое потомство. Тридцать девять маленьких мельниц раскрыли свои лепестки жаркому солнцу.

Кончено! Ушло безвозвратно! Орган воспроизведения вкупе с же-



лезой, необходимой для привлечения новых фаворитов, уничтожила примитивная палка безумного рыцаря. И это накануне ночи размножения!

Мельница еще раз горестно взвыла. Теперь она лежала на холме, вобрав в себя малые щупальца, а ходовые приготовив для движения. Впереди был долгий и опасный путь к побережью. Там через несколько ночей она погрузится в волны и поплывет. Куда? Нет, Атлантику ей не пересечь. Однако прошел слух, что в отдаленной и непокорной Голландии осталось еще несколько приличных холмов, где одинокая, обиженная католиками мельница найдет наконец свое пристанище и заслуженное счастье.